
Вопрошает Discovery
в образовательной передаче:
“Why was this structure
abandoned?” (сенсация для неофитов, не иначе).
“What happened
to the penal colony of Vasalemma?”
Она затоплена, что ли?

Шаг вправо– штольня.
Шаг влево... Все знают последствия шага влево.
Здесь планировалась империя, целые города
заключенных, но подступила вода,
и озеру надо сказать спасибо:
озерная глушь
восстанавливается, когда
за дело берется рыба.
Как известно, нет податливей известняка.
Карма карпа или леща –
прокладывать путь через окна,
проплывать сквозь завалы.
Берег зарос чем попало,
от камыша до плюща.

Вазалемма – озеро, возникшее вместо тюрем.
Никто не утонул в нем, не умер:
закрыли, и вся недолга.

Форель, по-шубертовски плеща,
выпрыгивает из воды, чуть не достав до вышки,
и – вглубь, где щетинится на воротах
по сей день зазубренная звезда.

Чьих-то стонов ли отголоски,
или камыш шелестит по-эстонски:
"...и аз воздам"?

Сон о Донбассе

Остались декорации страны.
Наложниц разбирают паханы.
Автобус полон, но не отъезжает.
Плакатов старых выцвели слова.
Во рту убийства сладкая слюна.
Распятое белье родного края
Бьет чужака в лицо – и бьет озноб.
Здесь не-позорным не бывает столб,
Играть в цивилизацию обрыдло
Отжатой, рваной, спившейся стране,
Чьи тупики с годами все видней...
Привет тебе, союз мурла и быдла!
И почему мне снится этот край?
Я в нем не родилась. Я в нем, считай,
И не бывала – в чем же смысл побега?
Мне снится двор, где ни души окрест,
Где всей природы– побледневший лес
Да сукровица тающего снега.
И спАсу нет от сна. Кого спасУ?
При чём тут... я никак.. ни сном ни ду...
Нисномниду, что ныне, что когда-то.
От них я еле вырвалась сама...
На Google View – безглазые дома
И темные потеки инернатов.

В ясные дни сквозь меня можно увидеть море
и бело-желтый берег. Если не шевелиться,

то из молочной дымки проступят вскоре
дальний корабль и ростр молодые лица.

Видишь? Забытое, растраченное на открытки,
спит – неразменной валютой, и воздух над ним фиолетов.
Море, во сне ворочаясь, сияет не хуже слитков.
Море видно сквозь Лотов, тем более, сквозь поэтов.

Жаждет фрегат, ожиданием долгим сморен,
штиль променять на шторм, на полсотни качек.
...Море досталось тем, кто объелся морем,
море для них давно ничего не значит.

Но сквозь меня порой
видно обмылки отлива,
размытую акварель, местных наяд купанье.
Много ли нужно, чтобы прослыть счастливым?
Снится всю ночь строка, далее все в тумане.

Если начнет саднить, задетое неосторожно,
То – на бинокль раскошелиться, визы какой добиться.
В крайнем случае, сквозь меня
море увидеть можно,
если не шевелиться. Главное, не шевелиться.

*Примечание. Не помню, где я увидела это фото памятника эмигрантам,
состоящего из одного лишь абриса человеческой фигуры. Мы наполняем
постепенно эту форму новым содержанием...*

Аллергия. Вырубка

Входишь в теплый туман, набираешь его в платок,
и не решаешься дальше:
лес вздрагивает, как застигнутый врасплох
купальщик,
но потом выпрямляется, вепрей своих
выпуская тебе навстречу,
заметая тропу. Шум дороги стих.
Кто не виден, тот, верно, не вечен,
и кричи сколько хочешь проверочных "а-а!"

в пароварке призрачной чащи:
настоящий лес на пришельца чихал,
отступая с каждым входящим.

Ингалятор в кармане: давай, дыши,
восстанавливай чувство дома.
Луговая кашка и болотные камыши
подступают к замшелому лому,
за штанину хватают, просясь в букет –
что тебе букеты?..

Через год ты приедешь, а леса нет.
Поговорим об этом?
Разве будет зимой и весной не хватать
этой готики, пальцев жуира
на горле? Вдохнуть, задержать, дышать
исчезающим миром.

Оставляя его, чувствуешь себя виноватой,
ведь вина у нас – чуть не часть подкорки.
Лес приплясывает в зеркале заднего вида -
эротичны впадины и пригорки.

Здравствуй

I.
Я выкрашу дом в три цвета:
Прибоя и дюн и рассвета.
Я выстрою три фронтона
в честь лета, зимы и моря.
Чтоб видел ты с самого рейда
Три цвета и три балкона,
Предчувствуя приближенье.
Чтоб предвкушал,
Чтоб помнил.

II.
От тебя хочу немного.
Утром, чуть открыв глаза,
Выхожу, а за порогом-

Измуруды, бирюза,
Ледяное царство кварца,
Жар рубинов. Все богатства –
Неужели для меня
Расстилаются, маня?

В первый раз такие чувства.
Чем с тобою расплачусь я?
Щепками? Комками ила?
Щедрой россыпью отлива?
Этим домом из песка?

Нотр-Дам я дарила неоднократно,
от метро поворачивала за угол.
Он стоял фантастическим зверем,
слоном, боящимся затоптать туристов.
Он, казалось, стыдился собственной славы.
Я кормила его химер
крошками гостиничных круассанов,
не друзьям показывая собор, а друзей – собору.
Он, бывало, одобрял некоторые романы.
Ветренный престарелый любитель дам,
он задирает мою юбку, гнал по эрекции лестниц.
Крыша дышала в такт моей дрожи,
гаргульи приглядывались близоруко...
Мы с тобой – из особо воспламеняющегося материала,
но мне думалось, я сгорю первой.
Пепел твой горчит на языке
французским поцелуем.

04.2019